

Тэо Лоуренс

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ

МОСКВА
2022

ОТ АВТОРА

Нет людей, которые не испытывали чувства отчаяния. Иногда люди испытывают это чувство годами. Кто-то справляется с этим и идет дальше по жизни. А кто-то так и не познает счастья.

Эта история проделала большой путь от идеи до воплощения. Каждая идея рождается из искры. В определенный момент жизни я был погружен в свои мысли и мне казалось, будто весь мир против меня. Дошло до того, что я стал думать, что смогу сделать то, что настоящему хочу, только в свой последний день, когда ожидания других перестанут иметь для меня значение.

Я начал записывать свои фантазии на бумаге и вспоминать, что меня радует, а что вдохновляет. Это и была та самая искра. Слова стали литься потоком через меня — на бумагу. То чувство, когда вдруг вспоминаешь ту самую, давно забытую историю, или пытаешься успеть записать сон, пока его детали не ускользнули из памяти.

Иногда мне казалось, что кто-то шепчет мне на ухо историю Криса и Лауры. После того как поток мыслей стих и последние слова были записаны, эта история прошла незначительную редактуру, и вот — момент X.

Я прожил эту историю. Я помню каждый миг, каждую деталь, которые не вошли в книгу. Каждого персонажа, каждую мысль я пропускал через себя прежде, чем изложить на бумаге. Я не хочу никого учить, я только хочу показать, что будет, если жить для других, а не для себя. Главные герои книги, Крис и Лаура, — лучшие примеры этого.

Я очень хотел бы, чтобы вы прожили эту историю также, как когда-то прожил ее я.

*Почему ты откладываешь
все свои мысли на
последний день?*

ГЛАВА 1

РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ. ЕЩЕ РАЗ...

Меня зовут Крис. Я из Лос-Анджелеса. Я, по всей видимости, один из последних людей на земле. И мне почему-то совсем не плохо от этой мысли. Я еду куда хочу, ем что хочу и сплю где хочу. Моя жизнь свободней, чем была до «вымирания». Я не чувствую одиночества.

Наверное, у вас возникает вопрос: как это произошло? И почему я «последний из людей»? Дело в том, что происходила и до сих пор происходит череда событий, избавляющих землю от людей. Будто земля включила свой иммунитет от паразита под названием человечество.

Где катастрофы, где эпидемии, где еще что-нибудь. В отличие от 7,7 миллиардов людей, я не оказался ни в од-

ном из эпицентров этих катастроф. Я везунчик? Не думаю. Я потерял всех. Родителей, друзей, коллег. Со мной остался только мой пес Энди японской породы акита-ину. Рыжего цвета, с белым брюхом. Глаза настолько черные, что зрачки сливались с темной радужкой и порой казались бусинками. Хвост закручен, а уши всегда востро. Красивый и с гордо поднятой головой пес. Со взглядом, направленным только вперед. Я уважаю его не меньше, чем человека. И даже больше... Не потому что теперь нет выбора. Так было всегда. Я люблю своего пса.

Знаете, хотя да, я везунчик, я в тайне мечтал об этом. Всегда! Убежать от всего мира в одиночество. Туда, где мне все понятно и не надо играть на публику. Туда, где я не буду вынужден скрывать свои чувства и связываться с теми, с кем не хотел бы вовек.

От одиночества я бы отказался только с одной девушкой. С ней никогда не нужно было бы играть и прятать в себе эмоции. Эту девушку звали Лаура. Но почему-то я прожил последние годы своей жизни с другой, так ни разу и не увидев Лауру за это время. Нет, это не был роман на стороне. Я влюбился в Лауру намного раньше, еще до того, как встретил другую. Я дружил с ней еще до отъезда из Лос-Анджелеса. Свою жену, Дестени, я любил, но почему-то всегда чувствовал, что сделал не тот выбор.

Если честно, я думал, что Лаура никогда на меня не посмотрит, как на суженого. Мы с ней были лучшими друзьями еще с детства, но окружающий мир даже допускать не хотел того, что мы вместе. Впрочем, как и она. Поэтому я и внушил себе, что любовь — это не для нас. Но, спустя столько времени, я забыл о ней.

Видимо после того, как мы с женой охладели друг к другу, я потерял веру в любовь между людьми. Она наполнена пафосом. Никто не говорит то, что думает, а говорит то, что надо. Живет по шаблону, просто оттого что терпит. Терпит из страха остаться одному на старости лет. Зато сейчас я делаю все, что хочу. Но я уже не сделаю то, чего хотел раньше.

Времени остается все меньше, а я даже не знаю, к чему все это. Может, это тот самый Судный день, который описан во всех религиозных писаниях. Но вот вопрос: кто остался на земле? Самые грешные? Я, наверное, в их число не вхожу. Я никогда не делал много зла, я пытался не быть плохим. Однако и в число самых безгрешных, которые должны попасть в Рай, я точно не вхожу. Говорят, что перед входом в Рай Господь спрашивает: «Был ли ты счастлив?». Поэтому — нет.

Может, у Творца своя схема для суда. А может, это и не Судный день. Не важно: я просто знаю, что мы все выйдем со дня на день, тогда и станут известны ответы на все вопросы.

А пока я еду через всю страну в родной город, из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, на красном «Мустанге» 67-го года со своим верным псом. Всегда хотел увидеть этот город без людей, ему так больше идет.

Я проезжал по Небраске, здесь обычно в это время поля зеленели всходами, а сейчас сплошная пустыня, состоящая из высохших на жаре растений и растрескавшейся земли. Вокруг безжизненные поля. Климат изменился, и теперь здесь в апреле жарко.

Горы тихоокеанского хребта стали выше. Они берут весь удар на себя, не давая Тихоокеанскому холоду пройти дальше. Но зато в Лос-Анджелесе... В Лос-Анджелесе, говорят, -10 — это теперь норма. Несмотря на местные красоты, люди, привыкшие к калифорнийскому климату, не готовы к такому и уезжают прочь. Не то, что я. Я, наоборот, спешу туда. Говорят, это похоже на рай, там все белое и яркое. Хочу увидеть LA¹, там слишком необычно для моего сознания. Такое раз в жизни можно созерцать, а может и реже. До вымирания я жил и работал в Нью-Йорке. И за все это время у меня не было возможности заглянуть в родной город.

Я не видел конца моему пути. Может, я не туда еду? Вряд ли... Я учел, что изменилось положение полюсов на пару градусов, а все ориентиры те же. Интернета нет. Ориентируюсь по карте. Вот уже два дня не вижу магазинов, и у нас с Энди кончаются припасы. Животных тоже стало меньше. Еду часто приходится готовить, разжигая костер из того, что попадает под руку, так как дело идет к апрелю и ветки мокрые после вчерашнего ливня. Дождь в пустыне? Сейчас можно и в Лос-Анджелесе снег увидеть. Так что ничего удивительного!

В машине ночевать надоело, и я решил остановиться в заброшенном мотеле. Сначала я пожалел об этом. В номере не было кровати, вместо нее — сломанная раскладушка, все было прогнившим... Стоп! Конец света же! В этом округе никого, и можно переночевать хоть в люксе. Там все было, как ни странно, комфортнее: кровать,

¹ Сокр. от англ. Los Angeles — Лос-Анджелес (Прим. авт.).

светлое окно, даже в мини-баре нашлась вода и немного еды. Я быстро открыл холодильник, взял, что мне было нужно, и так же быстро закрыл, дабы не выпускать холод. С электричеством сейчас напряженка.

В ванной воды, как и ожидалось, не было. Бутылка литровой меня всегда выручала в таких случаях. Для того чтобы почистить зубы и умыться лицо, этого достаточно.

Относительно стройный человек с карими глазами и каштановыми волосами стоял передо мной в отражении. Я смотрел в зеркало и думал: правильно ли я делал, что недооценивал себя? Чего заслуживает этот человек? Я всегда считал, что большего, чем умереть в 26 лет в одиночестве. Но если так случится, то уже ничего не исправить. Другой вопрос: можно ли было не допустить этого?

Я обустроился в комнате и лег спать.

Мое подсознание перенесло меня в пустыню. Пустую. Чистую. Даже на небе не было ни облачка. А нет, вон на горизонте плывет одно. Горячий песок под ногами, пересохшие губы и колеблющийся воздух над землей... Вдалеке виднелся только придорожный бар под названием «Sahara». Рядом с ним отрезок дороги, не больше по длине, чем сам бар. Я видел его со стороны. Шел к нему очень медленно. Я остерегался его. Когда я пытался приблизиться к «Sahara», он только отдалялся. Это начинало напрягать. Я постепенно стал забывать об опасениях и решил ускорить шаг. Тут «Sahara» застыла на месте. Это выглядело как оптическая иллюзия. В отличие от бара, все остальное приближалось. Камни, кусты и даже холмы проходили мимо меня, но не бар. И я решил тогда, что я хочу добраться до «Sahara», несмотря на все свои страхи.

Я побежал. Тут бар вдруг начал приближаться. Я дошел до него и вошел внутрь. Там были люди-манекены, они выглядели как плохо прорисованные на компьютере люди. Угловатые и неживые. Низкополигональные. Среди них была одна девушка-официантка.

Только у нее были живые зеленые глаза, в то время как у остальных пустой, плоский взгляд. Она была одета в розовое платье чуть выше колена, с коротким рукавом и серым тонким ремешком на талии, фартук на нижней части, а на босую ногу розовые балетки. Я сел за столик, и она тут же подошла ко мне. Мне хотелось воды, и мой заказ для пустыни был довольно популярен, все вокруг пили воду. Пили и пили, как только стакан оказывался пуст, девушка подносила другой. Она просто кивнула мне и молча механически ушла. Но, несмотря на странность, я знал, что внутри нее есть жизнь, в отличие от других присутствующих. Я взглянул на электронные часы, висевшие на стене бара. На циферблате было 12:43. Я осмотрелся вокруг, и когда мой взгляд вновь остановился на часах, я заметил, что они показывают уже 17:36. Не прошло и полминуты после моего заказа, а девушка уже принесла мне воды.

Я выпил стакан и решил выйти из бара, чтобы пойти дальше. Позади были дюны, и я зашагал вдоль них. Дюны были высокие и уходили далеко за горизонт, забраться на них было невозможно. Я шел так, будто знал куда, но мысли были пусты. Я шагал вдоль песчаных холмов очень долго. Мне хотелось узнать, что там за ними. За мной оставались следы. Я ушел так далеко, что уже не видел бара. Время дня никак не менялось. Вдруг я заметил ущелье, прервавшее бесконечные дюны, и напра-

вился в его сторону. За дюнами виднелись тропические растения начала времен, когда жизнь на земле только зарождалась. Это был некий оазис со своеобразной флорой и фауной. Я вышел через доисторические заросли к пляжу и почувствовал прохладный песок и влажный воздух. С двух сторон пляжа росли пальмы почти до самой воды. Но океан был бесконечно далеким. Стоял одинокий шезлонг, а из воды торчали опоры для пирса, однако сам пирс отсутствовал.

Я сел на шезлонг. Смотрел вдаль. Мне было страшно трогать воду, не говоря о том, чтобы зайти в нее. Вокруг было пусто, и чего я ждал — непонятно. Прошло несколько часов, а я так и сидел. Я уже начал мириться с тем, что это конец моего пути и ничего нового меня не ждет. Но вдруг понял, что ждать — это не выход.

Я решил зайти в воду, чтобы узнать, что там, за границей пляжа. Как только встал, то заметил ту девушку с живыми глазами. Она стояла босиком на теплом, влажном песке чуть позади меня и смотрела в мою сторону. Как долго она здесь была? Не знаю, потому что все время смотрел только вдаль и не видел ничего вокруг себя. Я подошел к девушке и решил взять ее за руку, чтобы зайти вместе в воду, преодолев границы пляжа. Дотронувшись до нее, я почувствовал тепло и поверхность плохой графики начала превращаться в прекрасную бархатистую кожу. Ее ноги из угловатой, «полигональной»¹ прорисовки начали приобретать мягкую форму. Они были настолько

¹ Несоввершенство компьютерной графики, распространенной в начале эпохи компьютерной анимации, в конце 1990-х — начале 2000-х годов (Прим. авт.).

красивы, что все мое внимание с переживаний и непонимания происходящего переключилось на девушку.

Стала меняться не только она, но и вещи, окружающие нас. Пирс мерцал, как компьютерный глюк. То появлялся на долю секунды и казался таким, каким должен быть, то исчезал, оставляя только опоры. Границы, образованные пальмами, начали пропадать. Под водой виднелись ветви света, будто молнии. Тело девушки стало дышать и жить. Красота поражала, но лицо еще было в плохой графике. Кроме глаз: они были такие знакомые и родные, по-человечески натуральные. И вот «хорошая» графика уже доходила до лица и я начал узнавать шею и нижнюю его часть, как вдруг... Я проснулся.

Мы с Энди проспали 14 часов. Мне было сложно понять этот сон. Я не мог его растолковать. Что это было за место? Откуда здесь бар? Почему он называется «Sahara»? Причем тут «плохая графика»? Где смысл? И самое главное, что так и осталось не ясным: кто она? Может быть, мой ангел-хранитель? А может, дочь, которую я всегда хотел? Или, возможно, просто игра воображения?

Я не смог оторваться от подушки и поэтому прихватил ее с собой. Перед отъездом мы с Энди пошли в ближайший ресторан или бар. Может, найдем немного еды? Хотя мне кажется, и там уже давно все обчистили.

Шли пешком. Вид был потрясающий: небо голубое, без облаков, поле чистое, эстетично заброшенные здания. Это был маленький город. Население не превышало даже пары сотен. Городок посреди поля. Никакой суеты. Просто мечта.

Мы нашли бар. Там тоже было уютно: пара столиков, свет пробивался через окна. Путь лучей выделялся пы-

лю, парящей в воздухе. Энди начал обнюхивать помещение. Ему удалось найти пакет с арахисом. А я осматривал барную стойку. Так как Энди не обнаружил опасности, я пошел посмотреть, было ли что-нибудь путное в комнате хозяев. Я нашел термос, а на столе, засыпанном бумагой, лежала ручка и блокнот.

Там же была подвеска на шею. Я их не ношу, да и плюс ко всему кулон был женский, но он меня зацепил, ведь у Лауры был такой же. Ее подвеска была маленькая, диаметром около полутра сантиметров, из белого золота, покрытая узорами из метеоритного камня. Лаура называла ее «Лунный цветок». Она никогда не рассказывала, что там внутри, но говорила, что если кто-то кроме нее открыл бы подвеску, то ее жизнь бы изменилась. Я не знал, как она открывается. Мне хотелось это сделать, и Лаура огорчалась, когда у меня не получалось. Интересно, что ее так расстраивало. Я так и не узнал, что внутри. Возьму кулон с собой. Видимо, Лаура не единственная обладательница такой подвески. Популярная штука оказалась.

Перед отъездом мы заехали на заправку на окраине городка. Заправка была довольно старой: колонки годов 70-х, пара брошенных машин и небольшая придорожная кафешка. Там была свора байкеров, поэтому я решил не привлекать к себе внимания. Зашел в кабинку кассира и нажал на подачу бензина. Заправить получилось всего полбака. Придется найти где-то еще, иначе не доехать. Только вынул пистолет из бака и... байкеры привлекли мое внимание.

— Отстань от меня, Гарри! — крикнула девушка, на вид лет 25, выходя из кафе.